

ФОРМАЦИИ И СОЦИАЛЬНО- КЛАССОВЫЕ СТРУКТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ФОРМАЦИИ И СОЦИАЛЬНО- КЛАССОВЫЕ СТРУКТУРЫ

МОСКВА

«НАУКА»

1985

В центре исследования стоит проблема социально-классового анализа различных исторических эпох. Специальное внимание авторы уделили изучению изменений в социально-классовых отношениях, роли этого фактора в процессе смены одних общественно-экономических формаций другими, в их становлении и развитии, а также вопросам исторической типологии общественных структур в переходные эпохи — от феодализма к капитализму и от капитализма к социализму.

Сборник статей посвящен актуальным и важным проблемам марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций.

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН СССР

З. В. УДАЛЬЦОВА (ответственный редактор),

член-корреспондент АН СССР

Ю. А. ПОЛЯКОВ (ответственный редактор),

доктор исторических наук

В. Л. МАЛЬКОВ,

доктор исторических наук

Н. П. КОМОЛОВА

Рецензенты:

В. В. СОГРИН,

А. Э. САВЧЕНКО

ПРЕДИСЛОВИЕ

*

Верность революционной марксистско-ленинской теории по самой своей сути предполагает ее дальнейшее развитие, углубление и обогащение посредством творческого овладения наследием Маркса, Энгельса, Ленина и одновременно смелого вторжения в область нерешенных проблем, выдвигаемых жизнью и логикой самой науки. На это обратил внимание июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС, который поставил перед советскими обществоведами задачу обеспечить новый, значительно более высокий уровень исследований и подчеркнул требование соблюдения мировоззренческой четкости, методологической дисциплины мысли.

Важной составной частью этой многообразной работы должны стать теоретические исследования, раскрывающие объективные закономерности всемирно-исторического процесса в живой, непосредственной связи с разработкой актуальных проблем современности и задачами наступательной идеологической борьбы с нашими идейными противниками. На Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» (декабрь 1984 г.) вновь отмечалась необходимость для советских обществоведов в полной мере учитывать особую остроту и особый характер развернувшегося в современных условиях идеологического противоборства. В этой связи указывалось на неразрывную взаимосвязь между углублением положительного знания и критикой общеполитических, общеметодологических основ антимарксистских идейно-теоретических концепций¹. Такая постановка вопроса полностью соответствует принципу марксизма, воплощенному в органическом единстве партийной принципиальности с научной объективностью, с тем, что Энгельс называл духом «ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования»².

¹ См.: Правда, 1984, 11 дек.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 316—317.

Высокий пример неослабного внимания к развитию марксистско-ленинской теории достойно воплощен в напряженной теоретической работе партии, связанной с разработкой и обогащением концепции развитого социализма. Принципиальное методологическое значение для изучения всех компонентов исторического процесса в их взаимодействии имеет сделанный партией в последние годы вывод о том, что советское общество находится в начале исторически длительной полосы — этапа развитого социализма, по мере совершенствования которого и будет происходить переход к коммунизму. Углубляя и конкретизируя наши представления о закономерностях становления и развития коммунистической общественно-экономической формации, этот вывод обогащает наши представления о диалектике объективного и субъективного, общего и особенного в стадийном развитии общества в целом. В этой же связи огромное значение имеет анализ проблемы противоречий при социализме и такого ключевого вопроса, как становление бесклассовой структуры общества уже в исторических рамках первой фазы коммунизма при ведущей роли рабочего класса³.

В разработку теоретических вопросов исторического процесса советскими философами и историками в последнее время внесен существенный вклад⁴. Но потребность в такого рода фундаментальных исследованиях растет еще быстрее. Показателен в этом отношении тот интерес, который вызывают среди специалистов дискуссии по общеметодологическим проблемам исторической науки, регулярно прово-

³ См.: Коммунист, 1984, № 12, с. 11.

⁴ См.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975; Ерофеев Н. А. Что такое история. М., 1976; Межуев В. М. Культура и история: Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма. М., 1977; Федосеев П. Н. Марксизм в XX веке. М., 1977; Он же. Диалектика современной эпохи. М., 1978; Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978; Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. М., 1979; Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1979; Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980; Журавлев Л. А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980; Келле В. Ш., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981; Кодуа Э. И. Критика неокантианской методологии истории. Тбилиси, 1982; Теория общественно-экономической формации. М., 1982; Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982; Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983; Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

димые академическими институтами, вузами и научными советами⁵.

И в основу предлагаемого вниманию читателей сборника положены доклады, сообщения и статьи, прочитанные, обсужденные и подготовленные в рамках деятельности Научного совета по закономерностям перехода от одной формации к другой при Отделении истории АН СССР. Все они связаны между собой единым замыслом, идея которого (в самых общих чертах) принадлежала много лет стоявшему во главе Научного совета академику Е. М. Жукову. Постоянно подчеркивая необходимость преодоления определенного налета описательности, фактографизма в исторической науке, Е. М. Жуков считал крайне важным поддерживать высокий тонус теоретической работы кадров советских историков. «...За пышные десятилетия, — писал он, — ученые накопили громадный новый фактический материал, нуждающийся в теоретическом осмыслении и обобщении. Само обилие этого материала делает необходимым уточнение научной классификации, периодизации исторического процесса, раскрытие новых форм проявления объективных закономерностей движения общества, установление многообразия творческой активности народных масс»⁶.

Само собой разумеется, что решение этой сложной задачи требует проведения многих специальных исследований, а также систематических, настойчивых усилий историков разных специальностей в содружестве с представителями смежных дисциплин: философами, экономистами, этнографами, юристами и т. д. Отметим при этом, что ряд актуальных проблем требует к себе особого внимания и среди них такие, например, как роль социальных революций в механизме смены одной социально-экономической формации другой; анализ закономерностей переходных эпох в свете марксистско-ленинской теории общественно-экономической формации, социально-классовый аспект исторического объяснения как методологическая проблема, общее и особенное в развитии социально-экономических, политических, культурных и других процессов в странах социализма, разработка теоретических проблем социалистического образа жизни

⁵ См., напр.: «Круглый стол»: О соотношении понятий «цивилизация» и «культура» в свете марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. — Новая и новейшая история, 1984, № 4, с. 68—89.

⁶ Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 5.

и др. Эти соображения и послужили путеводной нитью при отборе статей для данного сборника.

Хорошо известно, что выработанное К. Марксом и Ф. Энгельсом понятие «общественно-экономическая формация» открыло возможность рассматривать общество как *целостный и развивающийся* организм, подметить, по словам В. И. Ленина, «повторяемость и правильность» в общественных порядках разных стран⁷. Тем самым историческая наука получила действительно научный критерий для изучения развития человеческого общества от его ранних стадий до современности. Но также хорошо известно, что К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, подчеркивая всеобщее научно-познавательное значение категории «формация» и рассматривая определенную систему производственных отношений в качестве ее содержания, не ограничивались этим. «Все дело, однако, в том,— замечал В. И. Ленин,— что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной „экономической теорией“ в обычном смысле не ограничился, что — *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала... всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁸.

Авторы представленных в сборнике статей исходили из этого глубочайшего по мысли ленинского понимания познавательной функции материалистической историографии. Суть его состоит в изучении сложной сети общественных отношений и *переходных* ступеней от прошлого к будущему⁹, с учетом всего многообразия их вариаций, обусловленного конкретными обстоятельствами, естественными условиями, культурными традициями, национальными отличиями, внешними факторами и при сохранении за формационным подходом определяющего значения.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

⁸ Там же, с. 138—139.

⁹ См.: Там же, т. 26, с. 60.

Хотелось бы надеяться, что настоящий коллективный труд как продолжение и составная часть большой работы, направленной на дальнейшую творческую разработку методологических вопросов исторической науки, окажется полезным. Он открывается впервые публикуемой статьей Е. М. Жукова, имеющей постановочное значение, хотя она и не во всех своих компонентах была доработана автором до конца. Структура сборника увязана с обозначенным во вступительной статье кругом актуальных научных проблем, причем часть из них является мало или недостаточно изученной, что и предопределило поисковый характер высказанных авторами отдельных положений и выводов.

О РОЛИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПРОЦЕССЕ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

*

Революционный переход от одной социально-экономической формации к другой, как правило, не может быть актом кратковременным. Маркс отмечал, что «эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими границами»¹. Требуется значительный срок для того, чтобы окончательно утвердились более передовые общественные отношения, укрепился новый экономический базис, сложилась надстройка. В антагонистических формациях старые, отжившие свой век социальные институты в течение длительного времени отстаивают свое право на существование, выступая в роли последних бастионов сопротивления уходящих или побежденных классов. Во многих сферах жизни действует инерция, которая препятствует быстрому утверждению новых, более прогрессивных форм.

Первым актом социальной революции является политическая победа новых, революционных сил над старыми, переход власти из рук одного класса в руки другого. Исторический опыт указывает на то, что и это первое действие может растянуться на сравнительно длительное время.

Второй, по существу решающий, акт социальной революции заключается в перестройке социально-экономических отношений. Здесь многое зависит от достигнутого уровня производительных сил, от степени созревания объективных предпосылок революционного переворота. Но важно учитывать и другое: с момента завоевания власти новым, революционным классом не прекращается политическое сопротивление побежденных. Исторический опыт подтверждает, что нередко это сопротивление приобретает ожесточенный характер. Свергнутые господствующие классы в течение весьма длительного времени не оставляют надежды на восстановление своих позиций, причем реакционные силы прила-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 382.

гают особые старания к тому, чтобы не допустить закрепления власти победившей стороны, особенно в сфере социально-экономических отношений.

В коренном преобразовании этих отношений и заключается основной смысл, содержание социальной революции. Требуется значительное время для того, чтобы данные революционные преобразования не только были осуществлены при активном, иногда решающем содействии новой власти, но и доказали свою эффективность.

Наконец, в понятие социальной революции обязательно входит и закрепление идеологических позиций новых, революционных сил. Это означает соответствующее развитие наиболее сложных надстроечных элементов, зарождение новой культуры и в конечном счете переделку общественного сознания, выработку новой психологии. Лишь с завершением этих сложнейших процессов, которые могут протекать не обязательно в последовательном порядке, возможно говорить об окончательном утверждении новой социально-экономической формации.

Длительность процессов созревания формации побудила некоторых исследователей употреблять термин «эпоха социальной революции». Нам представляется, однако, что выражение «эпоха» применимо к более длительному процессу всемирно-исторического развития, который характеризуется противоборством различных социально-экономических систем и выявляет главенствующую тенденцию движения общества.

Социальная революция, т. е. переход от одной социально-экономической формации к другой, представляет собой революционный скачок, глубочайшее качественное изменение всего общества. Социальные революции подготавливаются всем ходом предшествующего общественно-экономического развития. Другими словами, нужен необходимый «строительный материал», без которого никакая революционная деятельность не может увенчаться успехом. Хорошо известно, что в разработанной Лениным теории социалистической революции этот принципиальный вопрос получил свое исчерпывающее научное разрешение. Тесно связана с этим проблема (и она не может не привлечь внимания историков, занимающихся конкретными вопросами перехода от одной социально-экономической формации к другой) структурных изменений тех социально-классовых сил, которые, хотя и возникают в лоне изжившей себя формации, но объективно исторически являются носителями новых общественных форм, идущих на смену старому.

Все социальные революции имеют одно общее содержание — они приводят к смене социально-экономических формаций. Однако каждый исторический тип социальной революции обладает своими существенными особенностями, относящимися не только к внутреннему содержанию, но и к формам ее проявления. Формы революционного перехода от одной социально-экономической формации к другой не совпадают.

Наибольшие трудности возникают при изучении перехода от доклассового общества к классовому. Борьба свободных общинников против эксплуататорских поползновений родо-племенной верхушки, против имущественно-правового противопоставления ее основной массе населения, против складывавшегося государства неизменно носила стихийный, неорганизованный и, по сути дела, негативный характер. При всех позднейших попытках придать этой борьбе романтический облик, окружить ее ореолом борьбы за положительные традиции «свободной, вольной жизни» нельзя не признать, что в целом она имела регрессивное значение. Позднейшие легенды о давно минувшем «золотом веке», давшие толчок к появлению термина «первобытный коммунизм» применительно к примитивному родо-племенному обществу, не могут скрыть тот факт, что это общество было органически неспособно к сколько-нибудь длительному прогрессу, не было в состоянии успешно бороться с силами природы; люди в ту пору вели тяжелую и изнурительную борьбу за существование.

Можно ли говорить о наличии субъективного фактора в тех социальных революциях, которые приводят к установлению первичных форм классового общества? В историографии достаточно отражена специфика родо-племенной верхушки, которая отнюдь не сразу «оторвалась» от основной массы своих соплеменников, а лишь постепенно и по многим показателям медленно *эволюционировала* в сторону превращения сначала в привилегированное, а затем и эксплуататорское меньшинство. Некоторые историки на этом основании оспаривают правомерность применения термина «социальная революция» к процессу формирования классового общества. С этим нельзя согласиться по принципиальным соображениям (появление новой социально-экономической формации), не говоря уже о том, что исторический материал свидетельствует о чрезвычайно бурном, резко конфликтном, кровопролитном переходе от бесклассового общества к классовому. К тому же эволюция родо-племенной элиты была лишь одним из моментов, обусловивших грандиозные

изменения, характеризовавшие целую историческую эпоху. Тот период очевидного разложения первобытного общества, к которому условно применяют термин «военная демократия», свидетельствует о спонтанной потребности древнейшего «свободного» населения к известной самоорганизации.

Энгельс отмечал, что «внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями»². Выделение прав, их противопоставление обязанностям — свидетельство начавшегося разложения первобытного общества. Появление первых элементов публичной власти было вызвано прежде всего потребностями усовершенствовать практику вооруженного грабежа, подчинения слабых племен относительно более сильным. Лишь на последних стадиях разложения родового строя, когда происходит формирование племенных союзов и появляются первые атрибуты публичной власти, ускоряется отрыв социальной верхушки от основной массы населения. В целом можно считать, что закрепление имущественного неравенства и начало присвоения плодов чужого труда представителями социальной верхушки происходят почти одновременно с «политическим» ее обособлением, т. е. с появлением зачатков государственной власти.

Возникновение государства в громадной степени ускорило процесс формирования первых классовых обществ прежде всего расширением объема различных форм зависимости «простых свободных» от элиты и их юридическим закреплением; превращением родо-племенной верхушки — носительницы государственного начала — в политически господствующий класс. Концентрация вооруженной силы в руках правящей верхушки позволила ей *принуждать* соплеменников к выполнению всякого рода работ и повинностей, а племена покоренные к уплате дани. Все больше теряли значение ее хозяйственно-организаторские функции, уступая место прямому господству, нередко прикрывавшемуся особым «божественным происхождением» или другими мистическими мотивами оправдания публичной власти.

По мере возрастания роли государства оно все в большей степени прибегало к закреплению своих идеологических позиций. Поэтому становление первого классового общества протекало одновременно в политической, социально-экономической и идеологической сферах. Религия подкрепляла своим авторитетом власть государства. Безусловно, нельзя представлять себе появление государства как мирный, безбо-

² Там же, т. 21, с. 159.

лезненный процесс. Наоборот, он предполагал длительную, порой кровопролитную борьбу образующегося государства с авторитарностью родо-племенной знати.

Итак, первая социальная революция, обозначавшая грандиозный качественный скачок в развитии общественных отношений — переход к классовому обществу, не могла представлять собой «моментального» акта. Следует еще раз напомнить, что, даже когда условия для такой революции реально уже возникли, требовалось значительное время для того, чтобы произошла кристаллизация тех элементов социальной верхушки, которые оказались способными стать носителями государственного начала и тем самым противопоставить себя основной массе населения. Племенные вожди или их сородичи, выполнявшие функции военачальников, силой обстоятельств приобретали власть над соплеменниками. Военная власть, будучи первоначально временной и, быть может, даже выборной, по мере расширения масштабов непрерывных войн имела естественную тенденцию к тому, чтобы упрочиться и стабилизироваться.

Та последняя фаза доклассового общества, которую Энгельс именует «военной демократией», дает реальную картину необычайного возрастания роли и значения военного грабежа в условиях кризиса и распада первобытнообщинной социальной организации. В такой обстановке естественно возрастала и роль военного вождя. Стало быть, объективные условия жизни порождали потребность в публичной власти, толкали к переходу от «полугосударства» к государству. Впрочем, и в этих условиях должно было пройти достаточное время, прежде чем определенный «царь», или «базилевс», оказывался способным добиться прочной реальной власти, устранив своих соперников и приобретя всеобщее признание.

Процессы, которые привели в конце концов к обособлению публичной власти и появлению государства как органа насильственного подчинения большинства народа эксплуататорскому меньшинству, имели объективно прогрессивное значение. Они свидетельствовали о переходе к новой социально-экономической формации (рабовладельческой или феодальной), открывали сравнительно большой простор развитию производительных сил.

Таким образом, в первой социальной революции — при переходе к классовому обществу — нельзя говорить о наличии субъективного фактора, который сознательно являлся бы носителем новых, более передовых общественных отношений. *Объективно* революционная роль создателей первых

государственных образований полностью скрыта за конкретными формами рождения классово антагонистического общества.

Крайне сложен вопрос о том, какую форму носило первое классовое общество. Переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческой или к феодальной формации зависел от многих обстоятельств. Вряд ли можно сомневаться в том, что первой, наиболее примитивной формой классовой эксплуатации было рабство. С точки зрения логики общественного развития, т. е. во всемирно-историческом плане, рабовладельческий строй был, безусловно, первой антагонистической формацией. Мы знаем, однако, что далеко не везде рабовладельческие отношения пришли на смену доклассовому обществу. Хотя существование рабов установлено практически повсюду, нередко они не играли значительной роли в общественном производстве. Их число было во многих случаях совершенно недостаточно для того, чтобы они могли выступить в качестве основного производительного класса древнего общества. Требовалась сильная государственная власть, обладающая достаточно мощной военной машиной, которая была бы способна «поставлять» рабов за счет покоренного населения в результате крупных грабительских походов. Только в этом случае могли сложиться и действительно складывались производственные отношения, основанные на эксплуатации рабского труда. И только при таком базисе могла развиваться рабовладельческая формация. Исторический опыт подтверждает, что даже в тех средиземноморских странах, где развилось классическое рабовладельческое общество («аппичная формация»), помимо основного антагонизма между рабами и рабовладельцами, существовали и обострялись непримиримые противоречия внутри свободного населения: в основном между мелкими и крупными земельными собственниками.

Если исходить из предположения о том, что разложение первобытнообщинного строя в большинстве случаев приводило к установлению «военной демократии», то становится очевидной по меньшей мере одинаковая вероятность последующего перехода как к рабовладельческой, так и к феодальной системе. Племенные вожди, которые осуществляли свою власть над свободным населением в интересах «организованного» военного грабежа, имели возможность удерживать, а затем и закреплять свое господство на военно-иерархической основе. Установление подобной иерархии, которую «элита» стремилась сохранить и в невоенное время, в свою очередь, открывало возможность навязывать оп-

ределенным группам населения те или иные формы зависимости, которые из временных могли превращаться в постоянные. Но превращение временных повинностей в постоянные, несомненно, открывало путь таким процессам, которые могли привести к постепенной феодализации общественных отношений.

Доступный нам конкретно-исторический материал часто свидетельствует о длительном симбиозе рабовладельческих и раннефеодальных форм в древнем обществе. «Сосуществование» этих форм нередко препятствует четкому формационному определению господствовавших отношений. Многие попытки обосновать наличие «азиатского способа производства» в качестве самостоятельной общественно-экономической формации проистекают как раз из невозможности со всей определенностью отнести тот или иной пространственно-временной комплекс к рабовладельческой или феодальной формации.

Можно предположить, что именно сочетание двух различных форм эксплуатации («укладов») было типической чертой первого классового общества. Там, где широкое воспроизводство рабского труда оказалось возможным, где его ресурсы были практически неограниченными, там возникший ранее рабовладельческий уклад приобретал господствующее положение и, следовательно, создавались условия для утверждения рабовладельческой формации. Напротив, в тех случаях, когда данные условия отсутствовали, побеждал феодальный уклад и общество в целом развивалось в сторону феодализации. Очевидно, что только конкретно-исторические исследования могут дать ответ на вопрос, какой же путь развития получал наибольшее распространение.

Здесь следует сделать одну оговорку. Хотя с точки зрения общего социального прогресса феодальные отношения открывали больший простор для развития производительных сил, чем рабовладельческий строй, олицетворяли исторически более высокую ступень производства, было бы все же ошибкой допускать идеализацию ранних феодальных укладов. Раннефеодальные государства, которые сложились на территории бывшей рабовладельческой Римской империи и утвердились на ее развалинах, были крайне далеки от того, чтобы демонстрировать экономические преимущества феодальных отношений.

Переход от рабовладельческой формации к феодальной — логически вторая социальная революция, взятая во всемирно-историческом масштабе, — имеет не меньшие особенности, чем первая.

Процесс феодализации повсюду, как правило, носил стихийный характер. Тем не менее он с большей очевидностью, чем при образовании первого классового общества, был детерминирован движением производительных сил. Нерентабельность применения рабского труда предопределила гибель данного способа производства. Этому предшествовала ожесточенная классовая борьба, в которой как непримиримые антагонисты выступали рабы и рабовладельцы, а также свободные мелкие земельные собственники³ и крупные землевладельцы. Но ни рабы, ни свободные землевладельцы, составлявшие силы надвигавшейся революции, не могут рассматриваться в качестве ее субъективного фактора в собственном смысле слова. Их действительная революционная роль ограничивалась деструктивными целями уничтожения рабовладельческого государства. Таким образом, о наличии субъективного фактора в данной социальной революции можно говорить только условно. Падение подгнившего изнутри рабовладельческого общества было лишь ускорено ударами внутренних и внешних социальных сил, не выдвигавших при этом никакой позитивной программы замены разрушенного строя другим. Тем не менее в недрах рабовладельческой формации в течение длительного времени созревали объективные предпосылки для ее крушения.

Античная формация, как уж отмечалось, не сводилась к противостоянию двух основных антагонистических классов: рабов и рабовладельцев. Социальное размежевание и классовая борьба представляли более сложную картину. Поэтому ранние феодальные отношения возникали и развивались не на пустом месте. Они располагали «строительным материалом» в виде тех социальных слоев, которые реально существовали в недрах предшествовавшей формации. Несомненно, однако, социальная революция, которая привела к утверждению феодализма, растянулась на длительное время (хотя и не столь длительное, как социальная революция, утвердившая первое классовое общество).

³ Число последних постоянно сокращалось — процесс, пополнявший ряды римского плебса. В одной из «Декламаций» Псевдо-Квинтилиана I в. н. э. читаем: «Я не всегда был соседом богатого человека. Вокруг меня жили по многим дворам одинаковые зажиточные собственники... хозяйничавшие на своих небольших участках. Но как изменилось все это теперь. Земля, прежде питавшая всех граждан, представляет собой теперь единую обширную плантацию, принадлежащую одному богатому владельцу... От поглощенных им крестьянских дворов ничего не осталось...» (цит. по: *Сергеев В. С.* Разложение рабовладельческой системы. — *Вестн. древней истории*, 1938, № 3, с. 123).

Сельская община, в рамках которой происходил уже процесс имущественной дифференциации и имело место сосуществование коллективно-общинных отношений с зарождавшимися частнособственническими, в течение длительного времени сопротивлялась экспансии аллодиального поместья, стремившегося захватить общинные земли и подчинить себе свободных общинников. Но постепенно отличавшаяся большой живучестью и приспособляемостью сельская община теряла свое значение в качестве формы землевладения и сохранялась лишь в качестве формы землепользования.

К этому следует добавить, что если экономические и политические аспекты утверждавшей феодальные порядки социальной революции возникали более или менее синхронно, то идеологическое обеспечение нового строя запаздывало. Не касаясь конкретных моментов этого положения, ограничимся общим замечанием: происходило интенсивное приспособление мировых религий к развивавшимся феодальным отношениям. Наиболее типична в этом отношении трансформация христианства. Его церковная иерархия «совершенствовалась» до тех пор, пока не стала полностью соответствовать феодальной структуре.

В различных пространственно-временных комплексах действовали различные факторы, способные как стимулировать, так и замедлять созревание феодальных форм. Кроме того, нельзя забывать о подвижности самих данных форм. Феодальные отношения эволюционировали на протяжении более десяти столетий. История феодализма в полной мере подтверждает общее положение о том, что абсолютно «чистых» формаций не бывает.

Социальная революция, которая привела к падению феодализма и утверждению капиталистической формации, принципиально отличается от всех предшествовавших ей. Прежде всего в данной революции существовало более или менее четкое противопоставление антагонистических классовых сил. Власть переходила от одного класса к другому. Следовательно, с достаточной определенностью вырисовывался не только объективный, но и субъективный фактор социальной революции. Существенной особенностью буржуазной революции являлось также некоторое опережение социально-экономических перемен в сопоставлении с политическими. Процесс вызревания капиталистических производственных отношений начался еще в недрах феодальной формации. Во всех случаях новые общественные отношения являлись результатом постепенной эволюции определенных прототипов.